

ИВАН ТИМОФЕЕВ В НОВГОРОДЕ
(ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ НАЧАЛА XVII в.)

«Временник» дьяка Ивана Тимофеева относится к крупнейшим памятникам русской публицистики периода гражданской войны и иноземной интервенции начала XVII в. Сочинение Тимофеева служит красноречивым свидетельством подъема общественной мысли в России под влиянием грозных событий Смутного времени. Вместе с тем оно является ценным источником для изучения «всеконечного разорения» страны, в частности шведской оккупации Новгорода в 1611—1617 гг.

«Временник», открытый в 1833 г.,¹ с конца прошлого века постоянно обращал на себя внимание ученых. обстоятельно рассмотрены общественно-политические и исторические взгляды Тимофеева, многое сделано в плане источниковедческого анализа его труда, исследования «Временника» как литературного памятника, изучения биографии выдающегося публициста.

Исследователи сходятся в том, что значительная часть «Временника» написана в Новгороде, где дьяк провел целое десятилетие, включая годы шведской оккупации. Не совсем ясно, однако, какие именно разделы очень сложного по структуре труда новгородского происхождения. Спорным остается и ряд вопросов, касающихся административной деятельности Тимофеева в 1607—1617 гг. Рассмотрению этих проблем и посвящена настоящая статья.

Тимофеева постоянно занимает судьба Новгорода в начале XVII в.,² вспоминает он и об опричном погроме «града святого великаго». Порой дьяк даже пишет от имени Новгорода, например, сочиняет «Плач из среды сердца глубок и рыдание горко» по поводу его разорения шведами.³ На этом основании О. А. Державина пред-

¹ Считается, что «Временник» был обнаружен Н. М. Строевым, который впервые сообщил о нем в «Хронологическом указателе материалов отечественной истории, литературы, правоведения, до начала XVIII столетия» (ЖМНП. 1834. Ч. 1. Отд. II. С. 175). См.: *Полосин И. И.* Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1949. Т. LX. Вып. 2. С. 136, 138; ср. с. 188. Однако из приводимых И. И. Барсуковым данных видно, что рукопись «Временника» первым выявил в библиотеке Флорицовой пустыни Я. И. Бередников, а уже затем во Владимире, куда она была прислана, с ней ознакомился П. М. Строев (*Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 259; ср. с. 450).

² Освещение Тимофеевым истории Новгорода в Смутное время должно стать темой специального исследования.

³ *Временник Ивана Тимофеева* / Подгот. к печ., перевод и коммент. О. А. Державиной; Под ред. В. П. Адряпановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 78—80, 248—250. (Серия «Литературные памятники»). Далее ссылки на это издание даются в тексте.

положила, что Тимофеев был родом из Новгородца.⁴ В. И. Корецкий же утверждал, что, поскольку в 1588/89 г. автор «Временника», тогда еще подьячий, имел поместья в Малоярославецком уезде, он родился под Москвой, «происходил из среды подмосковных служилых людей».⁵ Но, как заметил А. А. Зимин, наличие земель у приказных людей «еще не говорит об их дворянском происхождении».⁶ Известно далее, что Тимофееву также принадлежало поместье «на Костроме», а в конце жизни ему пожаловали поместные земли в Рязанском и Вологодском уездах (эти данные приводит сам В. И. Корецкий).⁷ Поэтому, думается, еще рано говорить о том, что создатель «Временника» вышел из рядов подмосковного служилого люда. Однако, конечно, мнение о новгородском происхождении Тимофеева является лишь догадкой, не более.⁸

Согласно «Временнику», его автор пережил осаду Москвы болотниковцами и попал в Новгород, когда «вмале уляже брань» (с. 114, 287). По-видимому, это произошло после возвращения дьяка из похода против восставших к Калуге. Тимофеев был в Новгороде уже 25 февраля 1607 г., судя по обнаруженному В. И. Корецким наказу местных властей о борьбе с «воровскими» людьми (исследователь допускает участие дьяка в составлении наказа).⁹

Некоторым историкам назначение Тимофеева в Новгород кажется опалой. Первым такую мысль высказал И. С. Шенелев, отметивший, что в делопроизводстве Новгородской приказной избы Тимофеев играл второстепенную роль (он находился под началом лишь недавно ставшего дьяком Е. Г. Теленева, о котором отзывается

⁴ Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник. . . С. 363—364; Исторический и географический комментарий // Там же. С. 454. Примеч. 13. Ранее высказывавшееся мнение о том, что автор «Временника» происходил из Искова (Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 256; Георгиевский В. Т. Флоридова пустынь: Историко-археологическое описание. Вязники, 1896. С. 218), ныне не обосновано.

⁵ Корецкий В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // Археограф. ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 148, 166. Вряд ли уместно, подобно М. П. Лукичеву, в подтверждение этого взгляда ссылаться на факт помещения Тимофеевых под Малоярославцем с 1588/89 до 1684 г. (Лукичев М. П. Новые данные о русском мыслителе и историке XVII в. Иване Тимофееве // Сов. архивы. 1982. № 3. С. 25). Ведь нет сведений о том, что автор «Временника» унаследовал малоярославецкие владения.

⁶ Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 253.

⁷ Черепин Л. В. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника» // Ист. архив. 1960. № 4. С. 163, 167—168; Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 159—161, 166.

⁸ В. Б. Кобрин установил, что подлинная, родовая фамилия дьяка — Семенов; она была оставлена, скорее всего, в процессе службы (Кобрин В. Б. Новое о дьяке Иване Тимофееве // Ист. архив. 1962. № 1. С. 246; см. также: Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 148—149). В этой связи отметим, что за вторую половину XV—середины XVI в. известно шесть дьяков Семеновых (Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. // Ист. архив. 1971. Т. 87. С. 267—268, 284, 286). Нельзя ли поэтому предположить, что публицист вышел из старой дьяческой фамилии?

⁹ Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 152.

неодобрительно).¹⁰ По Л. В. Черепнину, «во „Временнике“ имеются некоторые неясные намеки на то, что отправка Тимофеева в Новгород . . . носила характер опалы». При этом исследователь ссылается на слова дьяка о том, что царь Василий Шуйский послал его в Новгород «кроме воля моя» (с. 114, 287).¹¹ Весьма правдоподобным находил данное предположение В. И. Корецкий, оговариваясь, что причины опалы «еще предстоит выяснить».¹² Думается, приведенное мнение нуждается в более серьезном обосновании, ведь в столице Тимофеев находился далеко не на первых ролях. Автор «Временника» считал назначение в Новгород «богоугодным», хотя сам и не желал покидать Москву (с. 114, 287). Очевидно, правительство Шуйского сочло нужным направить в Новгород опытного дьяка, а Тимофеев по личным мотивам не хотел туда ехать. Учтем также, что за «московское осадное сиденье» 1606 г. он был награжден вотчиной «на Волоке»,¹³ а летом 1607 г. временно отозван для участия в походе на Тулу.

Новгородская служба Телешнева и Тимофеева кончилась в начале марта 1610 г. Но если первый отправился в Москву, где его ожидало повышение, то автор «Временника» вынужден был остаться в Новгороде.¹⁴ Сам Тимофеев объясняет эту задержку «скудостью ми возможных к подъятию действ» (с. 114, 288). И. С. Шепелев и О. А. Державина полагают, что дьяк сетует на нехватку денежных средств, необходимых для выезда в Москву.¹⁵ Л. В. Черепнин же склоняется к мнению, что Тимофеев имеет здесь в виду невозможность «поступить так, как ему хотелось». По предположению исследователя, дьяк не попал в столицу из-за противодействия царя Василия, подозревавшего его (и вполне справедливо) в близости к Скопину, которого многие тогда прочили на престол.¹⁶ Этот взгляд разделял В. И. Корецкий;¹⁷ нам он также представляется вероятным.

¹⁰ Шепелев И. С. 1) Организация первого земского ополчения в 1611 году // Учен. зап. Пятигорск. гос. пед. ин-та. 1949. Сб. 5. С. 186; 2) Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 149. Примеч. 5.

¹¹ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. 1961. Т. XVII. С. 456.

¹² Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 153; ср. с. 166.

¹³ Лукичев М. П. Новые данные. . . С. 23.

¹⁴ Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 154. Вдобавок к выявленному автором документам 1607—1610 гг., связанным с деятельностью Тимофеева в Новгороде, назовем указанную грамоту Василия Шуйского 17 декабря 1607 г. и кабальные книги 1608/09 г. (Амросий. История Российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 675—684; Яковлев А. Введение // Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов (1591—1596 и 1602—1603 гг.). М.; Л., 1938. С. V).

¹⁵ Шепелев И. С. Организация первого земского ополчения. . . С. 186; Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев. . . С. 354.

¹⁶ Черепнин Л. В. Материалы. . . С. 457.

¹⁷ Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 154—155. Автор ссылается и на то, что почитатель Тимофеева боярин И. М. Воротынский делал ставку на Скопина. Трудно сказать, на чем базируется данное утверждение. К тому же известно, что сразу после неожиданной смерти Скопина-Шуйского возникла весьма

Биографами публициста не учтено его упоминание в боярском списке 1610/11 г. В этом списке, составленном в своей основе осенью 1610 г.,¹⁸ Тимофеев значится дьяком в Новгороде наряду с К. Иевлевым и С. Самсоновым.¹⁹ Возможно, он получил прежнюю должность после низложения Шуйского.

Среди новгородских документов, вывезенных оккупантами в 1617 г. в Стокгольм, Л. В. Черепнин обнаружил три судебных дела о Тимофееве. Первое из них, относящееся к апрелю 1611 г., было возбуждено гостем С. Ю. Иголкиным, обвинившим дьяка в утайке ценных икон Спаса и Николы из имущества убитого воеводы М. И. Татищева. В оправдание Тимофеев заявил, что по поручению М. В. Скопина-Шуйского отдал «образа» софийскому протопопу Амосу, у которого во время обыска они и были найдены. Так как, по словам Амоса, «те де образы царственные вещи» и он хотел их везти «к Москве ко государю, ково нам государя бог даст», Л. В. Черепнин думает, что в 1610 г. Скопин-Шуйский рассматривался Тимофеевым и Амосом в качестве претендента на престол.²⁰ На наш взгляд, оснований для такой гипотезы недостаточно.

Хотя грамота Скопина к Амосу, написанная в Александровой слободе 21 ноября 1609 г. (Л. В. Черепнин неточно датирует грамоту 1610 г.), и выдержана «в дружественном, интимном тоне», в ней выражается лишь благодарность за присылку «рухляди». А ведь именно в Александровой слободе Скопин получил предложение П. П. Ляпунова занять трон.²¹ В бытность Скопина в Новгороде (осень 1608 г.—весна 1609 г.) о таких династических планах не было и речи, да и победоносный воевода едва ли бы стал извещать о них своих новгородских знакомых — не слишком влиятельных лиц. Слова Амоса о намерении везти иконы в Москву Л. В. Черепнин относит то к Скопину, то к какому-либо другому русскому кандидату на престол. Видимо, заявление Амоса о намерении везти иконы «ко государю, ково нам государя бог даст» — лишь отговорка, тем более что в апреле 1611 г. русский престол фактически оставался вакантным, хотя формально его занимал польский королевич Владислав. Из описи имущества убитого М. И. Татищева, скрепленной Тимофеевым, узнаем о том, что Скопин распорядился отдать «образа» Амосу «по его челобитью», причем «до государева указа».²² Быть мо-

правдоподобная версия о его отравлении на крестинном пиру у И. М. Вортынского (см.: *Иконников В. С.* Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский // *Чтения в Истор. обществе Пестора-летописца.* Киев, 1879. Кн. 1. С. 152 и сл.).

¹⁸ *Сухотин Л. М.* К вопросу о причастности патриарха Гермогена и князя Пожарского к делу первого ополчения // *Сб. статей в честь М. К. Любавского.* Пг., 1917. С. 344—345.

¹⁹ *Сторожев В.* Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. II. С. 85. Ч. Бартевев, бывший с марта 1610 г. повгородским дьяком вместе с К. Иевлевым (*Корецкий В. И.* Новые материалы. . . С. 154. Примеч. 75), в боярском списке не фигурирует.

²⁰ *Черепнин Л. В.* 1) Новые материалы. . . С. 164—166; 2) Материалы. . . С. 458—459.

²¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 93.

²² ВОИДР. 1850. Кп. VIII. Смесь. С. 33, 40.

жет, поэтому Амос и назвал иконы Спаса и Николы «царственными» вещами. Л. В. Черепнин полагает, что «через Амоса, вероятно, Скопин-Шуйский поддерживал связь и с Тимофеевым, держа его в курсе своего похода». Однако дьяк прямо указывает, что о походе Скопина знает лишь «вмале от слуха», по словам других;²³ по слухам ему было известно и о желании всех «в тайнодвижении сердец» видеть знаменитого полководца царем (с. 136, 143, 313, 320).

Л. В. Черепнин считает инициаторами данного судебного дела сторонников убитого М. И. Татищева. Но С. Ю. Иголкин вместе с Тимофеевым участвовал в описи имущества заподозренного в измене воеводы, духовным отцом которого являлся Амос.

Эта опись подтверждает свидетельство дьяка о передаче им «образов» Спаса и Николы Амосу.²⁴ Поэтому неясно, почему Тимофеев, как и давший вначале ложные показания протоиерей, был приговорен к денежному штрафу и отдан «на крепкие поруки».

Попытку С. Ю. Иголкина скомпрометировать Тимофеева Л. В. Черепнин связывает с политической борьбой в Новгороде. 2 июня 1611 г. там был получен приговор Первого ополчения об избрании на русский престол шведского королевича.²⁵ По утверждению Л. В. Черепнина, «Тимофеев, судя по всему, не был сторонником идеи водворения на русском престоле в качестве правителя представителя другой страны и чужой династии», в то время как Иголкин являлся приверженцем шведской кандидатуры, так как состоял членом посольства, отправленного в декабре 1611 г. для переговоров о воцарении в России шведского принца. Так что возбуждение против Тимофеева судебного дела имело якобы политический подтекст. Но далее Л. В. Черепнин указывает, что по официальному поручению дьяк составил проект новгородско-шведского договора,²⁶ очевидно, признающий шведскую кандидатуру на русский престол. Судя по «Временнику», его автор первоначально надеялся на «благодержавное» правление «еллинов». Известна близость Тимофеева к новгородскому митрополиту Исидору (с. 149—150, 153, 154, 327, 331, 332), который убеждал руководство Второго ополчения избрать царем Карла Филиппа, а в 1613 г. ратовал за водворение этого швед-

²³ Это замечание дьяка приводит сам исследователь (*Черепнин Л. В. Материалы*. . . С. 460).

²⁴ Близость Тимофеева к Амосу Иванову, героически сопротивлявшемуся шведам при захвате Новгорода (Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 356), видимо, не могла не бросать тень на дьяка в глазах оккупационных властей.

²⁵ *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.). Юрьев, 1913. С. 10—11, 17.

²⁶ *Черепнин Л. В. Материалы*. . . С. 459, 461. Думается, речь должна идти не о договоре, а о присяге, исходящей из уже заключенного соглашения. Об этом прямо говорится в разделе «О крестном целовании королевичю Владиславу» (с. 153—154, 331—332), где, как давно установлено, сообщается о присяге шведскому принцу. Согласно О. А. Державиной, наименование этой рубрики случайно или сделано для маскировки содержания (*Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев. . . С. 362). Возможно, это название, как и ряд других, принадлежит редактору рукописи, помнящему о присяге Владиславу, но не знавшему о «крестном целовании» новгородцев.

ского принца на престоле «Новгородского государства».²⁷ Учтем также, что дело против Тимофеева было начато за несколько месяцев до получения приговора «земли» об избрании «свейского» королевича. Наконец, С. Ю. Иголкина нельзя считать последовательным сторонником оккупантов. Так, на аудиенции у Карла Филиппа в Выборге 12 августа 1612 г. этот «бургомистр» решительно заявил, что «русские так же мало желают отдаться Швеции, как и подчиниться Польше».²⁸ Видимо, данное судебное дело не связано с политическими мотивами, тем более что еще в конце XVI в. Тимофеев интересовался неблагоприятной деятельностью С. Ю. Иголкина как гостя и таможенного головы.²⁹

Л. В. Черепнин опубликовал челобитные Тимофеева от 25 декабря 1611 г. и 24 июля 1614 г., поданные новгородской администрации. В приказной выписке по делу, начатому в связи со вторым прошением, Тимофеев именуется дьяком, чего нет в первом «челобитье». Отсюда Л. В. Черепнин делает заключение о том, что если в 1614 г. публицист находился на государственной службе, то его первоначальное положение при оккупантах неясно.³⁰ Но Тимофеев не называет себя дьяком и во второй челобитной. Из «Временника» же известно, что «самопичий», составивший текст клятвы «инославный», по распоряжению новгородского воеводы И. Н. Большого Одоевского служил «рукой» митрополиту (с. 153, 154, 331, 332), т. е. его автор был дьяком и в начале шведского «пленения».

«Очень умный наблюдатель»,³¹ Тимофеев считает, что во время чужеземной оккупации одни обогащались, а другие нищенствовали. В сөгованиях на резкие имущественные контрасты среди новгородцев отразилось пережитое самим публицистом. Его материальное положение при шведском господстве было весьма тяжелым,³² хотя он едва ли бедствовал, как утверждает В. И. Корецкий. Исследователь сам указывает на то, что в период новгородской службы 1607—1610 гг. дьяк был «обеспечен довольно неплохо».³³ В челобитной конца 1611 г. Тимофеев просил записать за ним его крепостного Ермачка; видимо, в то время он сохранял владения в Малоярославецком и Берейском уездах.

В. О. Ключевский предполагал, что Тимофеев жил на Торговой стороне Новгорода. Эта мысль подтверждается описью 1617 г., согласно которой дьяк проживал на Щитной улице (на белом дворе

²⁷ Замытин Г. А. К вопросу об избрании. . . С. 73, 95—96, 104—107.

²⁸ Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // Новг. истор. сборник. 1938. Вып. III—IV. С. 67—68. В этой и других работах В. А. Фигаровского, посвященных шведской оккупации Новгорода, «Временник» не использован.

²⁹ Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 153.

³⁰ Черепнин Л. В. Материалы. . . С. 452, 463.

³¹ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. III. С. 262.

³² Черепнин Л. В. Материалы. . . С. 462—463; после освобождения Новгорода Тимофееву было выдано государево жалованье «для бедности» (Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. Ч. I. С. 140).

³³ Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 154, 166.

Соловецкого монастыря), причем на монастырский двор он свез строения с «проскурнина места» той же улицы.³⁴

И. С. Шепелев полагал, что с возвращением Новгорода под власть русского правительства Тимофеев «некоторое время» оставался там на царской службе. Данные описи 1617 г. позволяют конкретизировать это мнение. Известно, что накануне и сразу после освобождения Новгорода Тимофеев с дьяком С. Лутохиным переписывал «всякие приказные дела» по распоряжению русских послов, которые вели переговоры в Столбове.³⁵

По словам Тимофеева, над причинами всероссийского разорения он задумался в то время, когда Смута мало-помалу стала утихать, а шведские захватчики «вся злая» уже совершили, все разграбили. Но дьяк долго не решался взяться за перо из-за недостаточной осведомленности, засилия «инославных» и предателей, «мельницы» своего ума. Митрополит Исидор «принудил» его написать о бедствиях, постигших Русскую землю, хотя бы на основании виденного и слышанного в шведском «плену», особенно о судьбе Новгорода в это трагическое время. Если верить дьяку, ему поручили писать, когда оккупация близилась к концу, шли «на месте некоем» мирные переговоры царских послов с «нечистыми» (с. 115—116, 118—119, 145, 149—150, 289—290, 292—293, 322, 326—327).³⁶ Согласно С. Ф. Платонову (ему принадлежит первая обстоятельная работа о «Временнике»), послы для переговоров со шведами были отправлены в начале мая 1616 г.; следовательно, к написанию своего труда Тимофеев мог приступить уже летом того же года и во всяком случае до освобождения Новгорода. К периоду шведской оккупации С. Ф. Платонов относит основную часть «Временника».³⁷ 1616 годом датируют начало работы Тимофеева над своим произведением также А. А. Кизеветтер, П. Г. Васенко, А. И. Копанев и А. Г. Маньков.³⁸ Однако на пере-

³⁴ Зимин А. А. и Киреева Р. А. Из рукописного наследия В. О. Ключевского: (Новые материалы к курсу по русской историографии) // История и историки. 1972. М., 1973. С. 326; Опись. . . Ч. 1. С. 164.

³⁵ Шепелев И. С. Организация первого земского ополчения. . . С. 186; Опись. . . С. 26, 153. Издатели описи — В. Л. Япич и М. Е. Бычкова — отметили ценность ее сведений для изучения биографии Тимофеева (Опись. . . Ч. 1. С. 16).

³⁶ Итак, не совсем верно утверждение И. И. Полосина о том, что Исидор предложил дьяку написать историю шведской оккупации Новгорода (*Полосин И. И.* Иван Тимофеев. . . С. 189). Попутно отметим, что Исидор сам занимался литературным трудом. Сохранилось его поучение «повоставленному перею» (*Георгиевский Г. П.* Рукописи Т. Ф. Вольнакова, хранящиеся в имп. Московском и Румянцевском музеях. Пг., 1915. С. 284—285).

³⁷ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1888. С. 163—165. В другом месте исследователь писал, что беседа Исидора с Тимофеевым произошла в последние дни оккупации Новгорода (Там же. С. 131. Примеч.). О. А. Державина безоговорочно приурочивает эту беседу к 1616 г. (*Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев. . . С. 354).

³⁸ Кизеветтер А. Тимофеев (Иван) // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1901. Т. XXVIII. Полутом 65. С. 190; Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности в 1907—1910 году // Памятники ОЛДП. СПб.,

говоры со шведами окольных Д. И. Мезецкий был послан еще в июле 1615 г. Результатом переговоров явилось Дедеринское перемирие (февраль 1616 г.).³⁹ Тимофеев мог иметь в виду эти, а не более поздние контакты русских и шведских дипломатов.

В феврале 1615 г. посредник в русско-шведских переговорах англичанин Д. Мерик в письме к руководителю оккупационной администрации Новгорода фельдмаршалу Э. К. Горну просил отпустить Тимофеева с дочерью в Москву. Просьба не была удовлетворена, возможно, в связи с возбужденным в следующем месяце судебным делом против дьяка.⁴⁰ По В. И. Корецкому, после этого Тимофеев и принялся за создание «Временника».⁴¹ Но дьяк никак не связывает замысел произведения с неудачной попыткой его освобождения (о которой умалчивает), хотя, говоря о начале работы над «Временником», называет шведский «плен» преградой к свободе, некой «железной веригой» (с. 114—115, 163, 288, 342; ср. с. 119, 293, 294).

Разорение Новгорода явилось, по признанию автора, непосредственным толчком к созданию «Временника».⁴² Трудно, конечно, определить время, к которому, по мнению публициста, оккупанты все разрушили и разграбили, но дьяк мог так считать и до 1615—середины 1616 г. По данным В. А. Фигаровского, с конца 1613 г. резко возросли поборы, взимаемые шведами в Новгороде.⁴³ Э. К. Горн 12 декабря 1614 г. доносил королю Густаву Адольфу о том, что новгородцы платят большие налоги, «у них ничего не осталось, кроме жизни». 17 февраля 1615 г. он писал А. Теннесону из Новгорода, что у местных жителей «теперь все отобрано». 10 марта 1616 г. Исидор жаловался голландским дипломатам на чрезмерные налоги, взимаемые оккупантами. Сами нидерландские посланники, покинувшие Новгород спустя неделю, отметили, что он «находится в силь-

1911. Т. СLXXVI. С. 13; Восстание И. Бологницкова: Документы и материалы. М., 1959. С. 364. В. Л. Комарович выражается осторожнее («около 1616 г.»), см.: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. II. Ч. 2. С. 55.

³⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. V. С. 79, 84; Любимиров П. Г. Очерк. . . С. 256. Отметим, что 25 октября 1615 г. в Новгород прибыли голландские посланники, бывшие паряду с англичанами посредниками в русско-шведских переговорах; находились они там и в марте 1616 г., когда, кстати, встречались с Исидором (Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 24. С. 37—38, 353, 405).

⁴⁰ Черепнин Л. В. Материалы. . . С. 466, 467.

⁴¹ Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 156. В другой работе исследователю разделяет датировку «Временника», предложенную С. Ф. Платоновым (Корецкий В. И. Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 113).

⁴² Это обстоятельство отмечено в литературе (Долинин И. П. Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII века // Науч. зап. Днепропетр. гос. ун-та. 1951. Т. XL. Вып. 1. С. 130; ср.: Кизветтер А. Тимофеев (Иван). С. 190).

⁴³ Фигаровский В. А. 1) Отпор шведским интервентам. . . С. 68; 2) О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новг. истор. сборник. 1937. Вып. II. С. 54, 55; 3) Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII века // Там же. 1939. Вып. 6. С. 37—38.

ном упадке».⁴⁴ Так что вполне можно согласиться с Н. П. Долининым, относящим начало работы над «Временником» к периоду ранее 1616 г.⁴⁵

Согласно О. А. Державиной, в 1616 г. Тимофеев стал объединять написанное прежде, еще до отъезда в Новгород и главным образом с 1610 г., и редактировать свой труд.⁴⁶ К сожалению, исследовательница не аргументирует эту точку зрения.

Наиболее обстоятельная работа о датировке «Временника» принадлежит И. И. Полосину. Он справедливо считает, что необходимо учитывать все хронологические реалии памятника (таковых И. И. Полосин насчитывает 53, по порой ссылается и на другие). Их анализ приводит И. И. Полосина к выводу о том, что основная часть произведения (начиная с л. 94) возникла в 1611—1619 гг., причем некоторые из составляющих ее фрагментов разновременны. Предыдущие разделы «Временника» появились до или около 1613 г. Видимо, в первые годы шведской оккупации (до получения в Новгороде вестей об освобождении Москвы и воцарении Михаила Федоровича) Тимофеев записывал «на обрывках-листочках свои наблюдения и размышления», послужившие материалом для большинства статей произведения. Систематизация этого материала, подборка наиболее обширных глав «Временника» охватывают, по И. И. Полосину, 1613—1617 гг. Самые же ранние отрывки памятника он относит еще к концу XVI в.⁴⁷

И. И. Полосин показал, что в период шведского «плена» написан ряд отрывков мозаично-пестрого по составу «Временника». Это фрагменты о неволе, в которую попал не успевший выехать из Новгорода Тимофеев, терроре оккупантов, крестном целовании шведскому королевичу.⁴⁸

Но многие хронологические выкладки И. И. Полосина, как уже отметила О. А. Державина, являются сомнительными.⁴⁹ Так, выделяемую им в составе сочинения Тимофеева повесть о М. В. Скопине-

⁴⁴ Арсеньевские шведские бумаги. 1 : 1611—1615 гг. // Сб. Новг. общества любителей древности. 1911. Вып. 5. С. 38, 45; ср. с. 50, 90, 95; Сб. РИО. Т. 24. С. 353, 405; ср. с. 327, 362, 376—377, 380, 391, 405—406. См. также: *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. VII. С. 154, 158.

⁴⁵ *Долинин Н. П.* Развитие национально-политической мысли. . . С. 130. По мнению И. Л. Шермана, «Временник» написан «примерно в 1615—1616 годах» (*Шерман И. Л.* Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959. С. 141).

⁴⁶ *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев. . . С. 355—356. В другой работе О. А. Державиной читаем, что «Временник» написан после Смуты (*Державина О. А.* К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести начала XVII века // Учен. зап. МГПИИ им. В. П. Потемкина. 1957. Т. LXVII. Вып. 6. С. 79).

⁴⁷ *Полосин И. И.* Иван Тимофеев. . . С. 155, 165—174, 185, 186, 189, 190, 192. Последний вывод представляется нам правильным, но аргументация исследователя далеко не безупречна.

⁴⁸ *Полосин И. И.* Иван Тимофеев. . . С. 169, 171. О. А. Державина датирует последний отрывок 1616 г. (*Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев. . . С. 362). Подобная точность представляется не вполне оправданной.

⁴⁹ *Державина О. А.* Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. // ТОДРЛ. 1957. Т. XIII. С. 682.

Шуйском исследователь считает современными событиям, однако сам находит в ней хронологические определения, ведущие к более позднему времени. Бегство Скопина из Новгорода в 1608 г. Тимофеев объясняет тем, что знаменитого воеводу «обольстил» М. И. Татищев, «пошепта» ему. Но мотив «льстивного шопота», как указывает И. И. Полосин, неоднократно звучит во «Временнике». ⁵⁰ Некоторые отрывки произведения написаны, по И. И. Полосину, до воцарения Михаила Федоровича в феврале 1613 г. В Новгород, однако, известие об этом пришло, видимо, весной того же года. Далее, о поставлении «днешних» властей не «богоданными цари», а «богомерзкими враги», как и о разорении страны соседними «злобожними» народами, дьяк мог писать в условиях иноземной оккупации вплоть до марта 1617 г. «Летописец вкратце» (последняя часть «Временника») начал создаваться, на взгляд И. И. Полосина, в конце шведской интервенции. Сам же исследователь указывает здесь датирующий признак, не укладывающийся в эти хронологические рамки. ⁵¹

Тимофеев горько сетует на то, что в ответ на гибель царевича Дмитрия и московский пожар 1591 г. (их дьяк считает делом рук Бориса Годунова) все «безсловесным молчанием спокрывшееся». Так и ныне, словно немые, мы глядим на случившееся, замечает дьяк (с. 35, 199—200). По утверждению И. И. Полосина, эта фраза написана «во всяком случае до февраля 1613 года». Но она явно переключается с главой «О печи и ходех со кресты», по которой «вся в нас умолкоша» мы обнаруживаем «неужество» при «варварском» засилье, отчего и бездействуем (с. 139, 316; ср. с. 163, 341). Эту главу И. И. Полосин справедливо датирует временем шведской оккупации (правда, в предположительной форме). ⁵² Так что воспоминания Тимофеева о событиях 1591 г. могли появиться и в последние годы интервенции.

По словам дьяка, окрестные с Россией государства не желают ее окончательного падения и выступают с предложениями мира, выдают себя за наших друзей, ожидая и у себя подобных бед; «господь» ведает, искренни ли они (с. 125, 300). И. И. Полосин склоняется к мнению, что здесь содержится не намек на Тридцатилетнюю войну, как думали С. Ф. Платонов и В. С. Иконников, а речь идет о событиях 1617—1618 гг. в России (Новгороде или Москве), русско-швед-

⁵⁰ Полосин И. И. 1) Иван Тимофеев. . . С. 170, 185, 189; 2) Социально-политическая история России XVI—начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963. С. 263—264. Недоказанным является и мнение о том, что тимофеевская «Повесть» о Скопине написана «около 1610 года» (Дубровин А. А. Повесть о Михаиле Скопине-Шуйском и русское народнопоэтическое творчество: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1978. С. 11). Вопреки точке зрения В. И. Корещкого (*Корещкий В. И.* Об основном летописном источнике. . . С. 137), о недостаточной осведомленности насчет похода Скопина дьяк мог писать и до 1614 г.; последняя дата в этой связи вообще непонятна.

⁵¹ Полосин И. И. Иван Тимофеев. . . С. 165, 170, 189. «Летописец вкратце» вслед за О. А. Державиной можно считать собранием «разрозненных и разновременных заметок и рассуждений автора», сложившимся после его смерти (Державина О. А. Временник дьяка Ивана Тимофеева // Зап. Отд. рукоп. ГБЛ. 1950. Вып. XI. С. 76).

⁵² Полосин И. И. Иван Тимофеев. . . С. 166, 170.

ских мирных переговорах.⁵³ Эта трактовка нуждается в некоторых коррективах. Под миротворцами, о которых тут говорится, вряд ли допустимо понимать шведов. В других случаях дьяк метко разоблачал мирные предложения «еллинов», здесь же он не знает, искренни ли миротворцы. К тому же публицист пишет о соседях России, а не об одной стране. Видимо, Тимофеев имел в виду английское и голландское посредничество в русско-шведских переговорах. Слова «крестная величества сего» И. И. Полосин рассматривает как указание на места под Новгородом, еще в 1617 г. подвергавшиеся опустошительным набегам шведов. Об этих набегам нет сведений, а приведенное выражение, взятое в контексте, обозначает соседние с Россией государства. Очевидно, данный фрагмент «Временника» появился в последние годы шведской оккупации, когда мирные перспективы стали только вырисовываться.

Согласно И. И. Полосину, первоначально дьяк обличал Ивана IV как «мирогубителя», но в период иноземной интервенции, когда поляки занимали Москву, а шведы — Новгород, он вспомнил Грозного в качестве «вторособирателя» Русской земли. Н. П. Долинин же полагает, что Тимофеев осуждал «царя Ивана Васильевича» во время шведской оккупации, а выдающимся государственным деятелем изображал его после освобождения Новгорода.⁵⁴ Однако об опрочинине, как выяснил И. И. Полосин, дьяк писал в разгар Смуты, до воцарения Михаила Федоровича (начало же главы о царствовании Грозного датируется еще временем Федора Ивановича). Раздел о «яростивом царе» в «Летописце вкратце» не содержит датирующих определений. Свидетельства Тимофеева о смерти Грозного во многом дублируют друг друга.⁵⁵ Исследователи памятника упустили из вида, что в рассказе о правлении Лжедмитрия дьяк называет Ивана IV «предипомянутым великим победителем во царех» (с. 83, 253), явпо отсылая читателей к соответствующему разделу, включенному затем в «Летописец вкратце». Быть может, отзывы Тимофеева о Грозном приблизительно одновременны. В таком случае дьяк относился к Ивану IV двойственно на разных этапах творчества.

Приглашение шведов на помощь правительством Шуйского Тимофеев расценивает как неслыханное безумие, как намерение одной стаей волков защищать стадо от другой (с. 95, 267). И. И. Полосин датирует это высказывание 1617 г. и периодом оккупации Новгорода. Однако предыдущая фраза содержит указание на продолжающееся несчастное «раздвоение» страны. Возможно, она написана до весны 1613 г. или вскоре после нее. Согласно И. И. Полосину, неодобрение союза со шведами сквозит и в главе о крестном целовании Вла-

⁵³ Там же. С. 170.

⁵⁴ Полосин И. И. Иван Тимофеев. . . С. 192; Долинин Н. П. Общественно-политические взгляды Ивана Тимофеева: (К вопросу об истории русской общественной мысли в начале XVII века) // Науч. зап. Днепрпетр. гос. ун-та. 1954. Т. 42. Вып. 2. С. 158. В последней работе автор явно преувеличивает влияние на Тимофеева общественно-политического консерватизма, охватившего правящие круги после воцарения Михаила Романова, забывая, что значительная часть «Временника» написана в шведском плену».

⁵⁵ Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 116, 139.

диславу. Но тут идет речь не о союзе, а о подчинении Новгородца интервентам. Ссылаясь же на рассказ о Скопине — победителе тушинцев, И. И. Полосин утверждает, что в 1609 или 1610 г. дьяк не считал наем шведов ошибкой.⁵⁶ Сам исследователь, впрочем, не находил в данном пассаже хронологической реалии, да и о приглашении «еллинов» здесь умалчивается. По словам Тимофеева, шведы представляются миротворцами, но в действительности они вместе с поляками радуются гибели России, разделили ее на части: одни (поляки) — разорением, другие (шведы) — платой за мир. Это явно написано до разорения Новгорода; дьяк пока знает лишь о грабительских условиях предлагаемой шведами помощи. Поэтому нельзя согласиться с заключением И. И. Полосина, будто эти строки датируются 1617—1618 гг.⁵⁷ Далее Тимофеев замечает, что шведы, эти «глаголемии миротворцы», пришли причинять зло, от них приключились большие беды, чем прежде. Читаемая следом фраза содержит прямое указание на освобождение Новгорода от оккупантов (с. 97, 269), т. е. написана не ранее марта 1617 г. Таким образом, «Временник» не дает оснований утверждать, что его автор первоначально одобрял наем шведского отряда для борьбы с «Тушинским вором».

В «Плаче из среды сердца. . .», составленном «от лица града святаго великого», дьяк молит бога об избавлении от «еллинов». Согласно И. И. Полосину, основная часть «Плача» возникла в 1611—1617 гг. Имеется возможность сузить эти хронологические рамки. Дьяк пишет, что шведы «мучительски» властвуют в Новгороде уже много лет, окончательно его «поядая», минули начало и середина бедствий города, но донные неизвестно, когда прекратятся злодеяния оккупантов. Это свидетельствует о появлении основы «Плача» в последний период шведского «плена», скажем, в 1615—1616 гг. Концовку данного раздела «Временника» И. И. Полосин склонен отнести к периоду после воцарения Михаила Федоровича. Но оптимизм последних строк «Плача» («Той бо и ныне чудодействуя и есть с нами бог, иже древле от работы фараона всего избавителей Израиля»), надо думать, внушен освобождением не Москвы,⁵⁸ а Новгорода, судя по аналогичным высказываниям дьяка (с. 78—80, 119, 149, 248—250, 294, 326).

В главе «О печи и ходех со кресты» подробно рассказывается о том, как «от нечестивых» упразднились православные «священнодействия», что оккупанты надругались над церковными святынями (с. 137—139, 314—316).

И. И. Полосин приурочивает этот рассказ к периоду шведского «плена». Эту датировку можно уточнить. Побывавшее в Новгороде в мае 1612 г. посольство Второго ополчения доносило «Совету всей земли», что от шведов «христьянской вере никакой парухи нет». В грамоте, привезенной спустя месяц в Ярославль новгородским представителем Оболенским, говорилось о том, что шведы находятся

⁵⁶ Полосин И. И. Социально-политическая история. . . С. 266, 320; ср. с. 343 В другой работе И. И. Полосина о таком изменении взглядов Тимофеева не говорится (Полосин И. И. Иван Тимофеев. . . С. 192).

⁵⁷ Полосин И. И. Иван Тимофеев. . . С. 168.

⁵⁸ Там же. С. 167.

в «любви» с новгородцами, «церкви божьи не разорены и вера крестьянская стоит нерушима по-прежнему».⁵⁹ С 1614 г. оккупанты принялись грабить новгородские церкви и монастыри.⁶⁰ Поэтому ламентации Тимофеева по поводу нарушения шведами норм православной обрядности можно датировать 1614—началом 1617 г.

Главу о крестном целовании Владиславу И. И. Полосин справедливо относит к 1611—1617 гг. Но, по-видимому, она появилась уже не в начале оккупации, ибо дьяк замечает, что два властолюбца, отвергнувшие написанный им текст клятвы «еллинам», донные вместе со шведами повелевают Новгородом (с. 153—154, 331—332).⁶¹

Рассуждая о причинах Смуты, Тимофеев замечает, что некоторые единоверцы не хотят мира «ради кипящего в них днешняго доброденствия», опасаются скорого «пременения» своей жизни «от блага на зло» (с. 96, 268—269). И. И. Полосин датирует это свидетельство 1617—1618 гг.⁶² Очевидно, оно сделано накануне освобождения Новгорода, еще до того, как там была получена грамота царских послдов Д. И. Мезецкого и А. И. Зюзина, извещающая о подписании Столбовского мира и сулившая прощение сотрудничавшим со шведами (5 марта 1617 г.).⁶³

И. И. Полосинным не учтено до 60 датирующих определений памятника. Многие из них, как и им выявленные, широкого хронологического диапазона, но некоторые ведут к ограниченному промежутку времени. Так, в главе о тушинских «таборех» дьяк замечает, что враги не захватили нашего достояния, кроме Новгорода, но бог, если скалится, изгонит шведов вон (с. 125, 300). Эти слова нужно приурочить к последнему периоду оккупации. В главе «О княжь Михаиллове (Скопина-Шуйского. — Я. С.) к Москве из Новагорода походе» автор пишет, что затворен «зде», почему лишь понаслышке знает, как Скопин достиг столицы и освободил ее (с. 143, 320). Запись сделана в Новгороде не ранее весны 1610 г. Говоря о начале работы над «Временником», дьяк тоже жалуется (причем дважды и в настоящем времени) на «градцкой затвор». Сначала он указывает на захват города иноземцами, а во второй раз пишет о пережитом Новгорodom

⁵⁹ Любомиров П. Г. Очерк. . . С. 141, 142.

⁶⁰ Фигаровский В. А. 1) О грамоте. . . С. 55; ср. с. 81; 2) Отпор шведским интервентам. . . С. 68, 83—84.

⁶¹ Двумя властолюбцами, служившими шведам, Л. В. Черепнин считает дьяков П. Григорьева и С. Лутохина (*Черепнин Л. В. Материалы. . .* С. 467). Но он сам обратил внимание на челобитную новгородцев Густаву Адольфу о непризнании их к присяге (1614 г.), которую вместе с Тимофеевым подписали и два названных дьяка. В октябре 1617 г. С. Лутохина и П. Григорьева пожаловали за то, что, будучи в Новгороде, они тайно служили царю (впрочем, это не помешало П. Григорьеву получить землю от шведов). С. Лутохин был также одним из авторов ответа новгородцев Э. К. Горну (конец 1614 г. или начало 1615 г.), который дышит ненавистью к оккупантам. См.: ДАИ. СПб., 1846. Т. II. С. 47; РИБ. 1878. Т. V. Стб. 11; Дополнения к Дворцовым разрядам, собранные И. Забелиным. М., 1882. Ч. 1. Стб. 115—116; Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам. . . С. 78.

⁶² Полосин И. И. Ивва Тимофеев. . . С. 168, 170, 171.

⁶³ Соловьев С. М. История России. . . Кн. V. С. 88—90. Это обещание послы подтвердили при въезде в Новгород 14 марта 1617 г.

але (с. 145, 148, 322, 325—326). Оба эти фрагмента, включенные в «Летописец вкратце», датируются периодом шведской оккупации, по-видимому концом ее. Вероятно, ко времени «еллинского плена» относится и замечание о том, что бог может погасить пламя, разожженное слухом о изложении Шуйского, вернуть «обезславльшееся» к прежней и даже большей славе (с. 109, 282) (из главы «О царе же Василии Ивановиче»).

Таким образом, к периоду пребывания Тимофеева в Новгороде, преимущественно последним годам шведской интервенции, по меньшей мере следует приурочить такие разделы «Временника», как «О печи и ходех со кресты», «О князь Михайлове к Москве из Новгорода походе», «Плач из среды сердца. . .» (в основной части), «О крестном целовании королевичю Владиславу», некоторые рассуждения о начале творческой работы из «Летописца вкратце», многочисленные свидетельства о злодеяниях оккупантов и положении в Новгороде вообще.

Сочинение Тимофеева носит в значительной степени мемуарный характер. Вместе с тем изучение биографии публициста дает возможность глубже понять его взгляды и оценить достоверность приводимых им сведений. В этой связи повторим, что рассматривать отправку дьяка в Новгород в качестве опалы еще преждевременно, как и видеть в нем активного сторонника кандидатуры Скопина-Шуйского на царский престол. Занимая с момента шведской оккупации (если не с осени 1610 г.) официальную должность, Тимофеев быстро разочаровался в правлении «еллинов», но предпочел бороться с ними посредством своего «Временника». Создание этого публицистического труда явилось патриотическим подвигом дьяка.